

*ФЕЛИЦИТОЛОГИЯ ВОЗРАСТА В ЯЗЫКЕ***С.Г. ВОРКАЧЕВ, Е.А. ВОРКАЧЕВА**

*Кубанский государственный технологический университет,
350072, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Московская, 2;
электронная почта: svork@mail.ru; vorkela@mail.ru*

На материале паремиологии и ассоциативного эксперимента рассматривается вербализация лингвокультурного концепта «счастье» в аспекте возрастной специфики. Устанавливаются отличия представлений о счастье в разных возрастных группах, делается вывод, что для «зрелого счастья» характерно возрастание ориентации на этический компонент этого концепта.

Ключевые слова: счастье, концепция счастья, фактор, возраст, лингвокультурный концепт, языковая специфика, фелицитарный стереотип

Как представляется, из всех выделяемых к настоящему времени разновидностей концептов как лингвоментальных образований, отмеченных этнокультурной спецификой (см.: [Воркачев 2001: 70]), возрастной параметр присутствует лишь в семантической структуре «обыденных аналогов» мировоззренческих универсалий, составляющих корпус категорий практической философии (см.: [Арутюнова 1998: 617]). Эти закрепленные в языке бытовые эквиваленты онтологических (время, жизнь, смерть, судьба), гносеологических (знание, вера), аксиологических/этических (счастье, любовь) и семиотических (язык, слово) понятий, в части своей дефиниционной семантики являются, очевидно, языковыми универсалиями, отличаясь от языка к языку, культуры к культуре, от одной гендерной группы к другой своими сущностными, концепциеобразующими признаками.

«Пока свободою горим, пока сердца для чести живы, / Мой друг, отчизне посвятим, души прекрасные порывы» – поэт, очевидно, вполне допускает, что со временем (с возрастом!) отношение к свободе и к чести меняется, а желание что-либо посвящать отчизне убывает вместе со всеми прочими желаниями: действительно, как говорит пословица, «молодое сердце ближе к правде» – оно менее терпимо к творимой под солнцем несправедливости. С возрастом человек становится «скупее в желаниях» и у «сердца, тронутого холодком», несколько

иные представления о терминальных ценностях, чем у сердца «юноши кипящего».

Вполне очевидно, что помимо гендерной специфики счастья язык отражает и возрастные психологические установки на счастье – фелицитарные стереотипы, вполне однозначно сформулированные еще Екклесиастом: «Веселись, юноша, в юности твоей, и да вкушает сердце твое радости во дни юности твоей..., доколе не пришли тяжелые дни и не наступили годы, о которых ты будешь говорить: «нет мне удовольствия от них!» (Екк.: 11, 9; 12, 1). Сентенциями относительно несовместимости старости и счастья заполнена русская паремиология (см.: [Даль 1996: 43-52; Аникин 1988: 294]): «Седина напала – счастье пропало»; «Старость – не радость (а пришибить некому)»; «Старость – увечье, старость – неволя»; «При старости две радости: горб и кила»; «Стар да нищ – гниль да свищ»; «Старость придет – веселье на ум не пойдет»; «Старость приходит не с радостью, но со слабостью»; «Старость с добром не приходит». Счастье связывается исключительно с молодостью: «Золотое время – молодые лета. Золотая пора – молодые года». То же самое можно увидеть в русской поэзии, где, однако, акцент делается не столько на неприятностях старости, сколько на радостях юности: «Под старость жизнь такая гадость» (Пушкин); «В золотую пору малолетства / Все живое счастливо живет» (Некрасов); «Все – истина, все – ложь, / Блажен лишь тот, кто молод» (Бальмонт). Однако наблюдения психологов свидетельствуют о том, что эти стереотипы в части, касающейся представителей мужского пола, являются заблуждениями, поскольку ощущение счастья с годами у мужчин повышается (см.: [Джидарьян 2001: 178]).

Если национальная специфика счастья определяется числом культурно значимых обыденных представлений, разделяемых членами какого-либо этноязыкового социума (см.: [Воркачев-Воркачева 2002: 146]), то можно предполагать, что возрастная специфика этого концепта в части понятийной компоненты будет зависеть от взглядов (обиходных концепций) представителей различных возрастных групп на сущность счастья.

Как можно заметить, паремиология не даёт каких-либо значимых данных для описания возрастной специфики понятийной составляющей концепта счастья, отправляя лишь к некоторым психологическим стереотипам, и, как представляется, единственным доступным источником языковых данных здесь может быть только опрос информантов.

Психологически возраст обозначает качественно своеобразную ступень онтогенетического развития, обусловленную закономерностями формирования организма, условиями жизни и воспитания и характеризуемую особыми жизненными задачами, от которых зависит развитие личности в целом и успешность перехода на следующий возрастной этап. В психологии выделяется до 12 возрастов (см.: [Петровский-Ярошевский 1990: 60]), из которых наиболее длительным и значимым является зрелость, характеризующаяся тенденцией к достижению наивысшего развития духовных и физических способностей личности человека. Зрелой личности присуще развитое чувство ответственности, потребность в заботе о других людях, способность к активному участию в общественной жизни и эффективному использованию своих знаний. Для целей настоящего исследования, в котором принимали участие респонденты от 15 до 70 лет, как представляется, достаточно выделения двух возрастов: молодости (до 30 лет) и зрелости (после 30), поскольку, в общем и целом, где-то к 30 годам человек физиологически и социально созревает: получает профессию, в которой достигает определенного положения, создает семью. Кроме того, после 30 лет начинается физиологическое старение организма и наблюдается определенное изменение жизненной перспективы, отражающееся на мировоззрении личности.

Вопрос «Что такое, по вашему мнению, счастье?» задавался 110 информантам до 30 лет и 110 информантам после 30. Выбор информантов был социально и профессионально рандомизирован: в их число попали школьники, домохозяйки, разнорабочие, слушатели техникума, студенты, аспиранты, предприниматели и университетская профессура.

Под обыденной фелицитарной концепцией в самом общем виде понимаются представления языкового сознания о сущности счастья, сводимые, в принципе, к факторам, вызывающим у субъекта положительную оценку его судьбы: «причинам» и «условиям» его жизненного благополучия (о факторах счастья см.: [Татаркевич 1981: 142–157]). Как для эпистемологии каждой отдельной науки наиболее значимыми представляются «теории среднего уровня», позволяющие систематизировать её основные понятия (см.: [Фрумкина 1996: 56]), так и для фелицитологии, очевидно, особой ценностью будут обладать «концепции среднего уровня», позволяющие, судить об этнической, гендерной либо возрастной специфике носителей обыденного сознания.

Концепции среднего уровня характеризуются определенной степенью абстрактности, дающей им возможность «подняться» над частными факторами счастья. В то же самое время они в достаточной мере конкретны чтобы идентифицировать разновидность «фелицитарного блага», положенного в основу их формулирования. Концепции гедоническая (счастье как наслаждение вообще), эпикурейская (счастье как отсутствие страданий вообще), призвания (счастье как самореализация) и др. не только обобщают и классифицируют «источники счастья», но и позволяют делать выводы относительно мировоззренческих установок их носителей, включаясь в более широкие фелицитарные теории: эвдемонические и деонтологические, этические и психологические теории, накопительные и коэффициентные (см.: [Воркачев 2004: 62–77; 2011: 262–272]), «потребительские» и «созидательные» концепции и пр.

Заниженный уровень абстракции при формулировании концепции приводит к отождествлению «фелицитарного блага» чаще всего с каким-либо конкретным «условием» (счастье – это здоровье, деньги, семья и пр.), которое само по себе, в отсутствии «причины», для счастья недостаточно. Завышение этого уровня лишает концепцию какого-либо конкретного семантического

наполнения и не позволяет идентифицировать источник «фелицитарного блага» (счастье – это когда у тебя все хорошо).

При анализе ответов респондентов учитывалась прежде всего способность последних выделять концепции среднего уровня и тенденции занижать либо завышать уровень концептуальной абстракции. Следующим шагом классифицировались и оценивались количественно и качественно уже сами собственно фелицитарные концепции.

Число «холических», дефиниционно и концептуально неопределенных формулировок («Счастье – это когда все хорошо/нормально/в порядке/все есть»; «Счастье – это жить/полнокровная жизнь») в группе респондентов до 30 лет в полтора раза превышает число подобных формулировок в группе после 30 (9:6).

Естественно, в большей части ответов респондентов в целом формулировка счастья совпадает с интерпретацией (толкованием): перечислением семантических признаков, существенных для личного жизненного опыта человека и воспроизводимых в типичной ситуации переживания соответствующей эмоции («Счастье – это когда...»). Приведение в ответе дефиниционно значимого родового признака концепта («Счастье – это состояние души/внутреннее/субъективное состояние») свидетельствует, очевидно, о более зрелом и глубоком осмыслении фелицитарной семантики. Родовой признак в ответах может формулироваться и описательно, через определения («душевный покой», «душевная радость», «чувство внутреннего удовлетворения» и пр.) и синонимы («чувство/чувствовать себя», «ощущение/ощущать», «настроение», «сознание/сознавать»). В ответах группы «после 30» родовой признак встретился 20 раз, причем в 10 случаях он формулировался через имена «душа» и «душевный» («душевное состояние», «состояние души», «душевная радость/душа радуется»). В ответах группы «до 30» этот признак появился 15 раз, и формулировался через имя «душа» и его производные 7 раз.

Ответы респондентов, как правило, многофакторны, «причины» и «условия» личного счастья, зачастую концептуально противоречивые, в них перечисляются списком: «Счастье – это когда ты здоров, богат, весел, доволен жизнью, ни в чем не раскаиваешься и пр.». В силу этого при возрастном анализе индивидуальных факторов счастья учитывалось каждое упоминание того или иного источника фелицитарного блага, представленное вербально, через ключевые имена и их синонимы и перифразы: наслаждение – «приятное состояние души; это когда ты делаешь, то, что тебе нравится; это когда человек ощущает себя достаточно комфортно; оргазм существования»; достаток – «это когда у тебя есть все, что ты хочешь»; удовлетворение – «это ситуация, которая во всех отношениях тебя устраивает»; свобода – «это когда ты можешь делать, что хочешь; когда тебе не мешают»; успех – «это когда у тебя все получается; когда что-то исполняется; когда чего-то достигаешь»; добродетель – «отсутствие угрызений совести»; покой – «когда нет проблем; когда тебя не дергают; безмятежность»; радость – «это когда душа поет; эйфория, подъем эмоциональных сил»; благо ближнего – «это когда ты кому-то нужен» и т. п. При анализе ответов не учитывались формулировки, не позволяющие однозначного факторного толкования («Счастье – это когда ты не чувствуешь себя одиноким»; «Счастье – это когда у тебя хорошо на душе»), тавтологии («Счастье – это благополучие»), и неопределенные метафоры («Счастье – это не конечная цель, а способ путешествия, не вокзал, а поезд, в котором мы едем»). Из числа рефлексий по поводу счастья («Счастье – это только миг»; «Ты счастлив, пока не думаешь о счастье») как значимые для анализа учитывались только рассуждения о его мимолетности.

Таблица 1

	Фактор	до 30	после 30
1	любовь	18 (2)	7 (5)
2	семья	22 (1)	6 (4)
3	здоровье	4 (8)	12 (2)

4	успех (реализация планов)	12 (4)	6 (5)
5	дети	3 (9)	0(11)
6	друзья	1 (11)	1 (10)
7	достаток	3 (9)	1 (10)
8	деньги	2 (10)	0 (11)
9	покой/мир (отсутствие забот)	13 (3)	23 (1)
10	отсутствие несчастья	3 (9)	2 (9)
11	уверенность в будущем	1 (11)	1 (10)
12	гармония/согласие/непротиворечие	10 (5)	5 (7)
13	работа	1 (11)	0 (11)
14	удовлетворение	4 (8)	6 (5)
15	(хорошее) настроение	4 (8)	6 (5)
16	наслаждение/комфорт	4 (8)	6 (5)
17	радость/эйфория	5 (7)	6 (5)
18	(взаимо)понимание	7 (6)	4 (8)
19	общение	0 (12)	1 (10)
20	свобода	4 (8)	7 (5)
21	самореализация	10	2 (9)
22	наличие цели в жизни	4 (8)	2 (9)
23	благо ближнего (кому-то нужен)	3 (9)	8 (4)
24	счастье других	1 (11)	3 (8)
25	добродетель	0 (12)	1 (10)
26	сила (быть сильным)	0 (12)	1 (10)
27	исполнение желаний (мечты)	3 (9)	5 (7)
28	знание истины	1 (11)	0 (11)
29	ожидание счастья	0 (12)	1 (10)
30	милолетность	1 (11)	4 (8)
	Всего	134	125

В таблице 1 представлены пофакторно результаты опроса информантов. Рядом с общим числом упоминаний соответствующего фактора в скобках приводится его ранг. Совокупное число пофакторных упоминаний несколько отличается для каждой возрастной группы (134 – до 30 и 125 – после 30), прежде всего, потому что два информанта после 30 вместо ответа отшутились («Счастье – это всегда то, чего нам не хватает»; «Счастье – это когда ты пошел в бочку за молоком, а оно сразу после тебя закончилось»), но, главным образом, потому что ответы в группе после 30 в целом менее многофакторны и концептуально более последовательны.

Налицо связанные с возрастом явные отличия в ранге одних факторов (любовь, семья, здоровье, покой, благо ближнего) и межгрупповая лакунарность других (дети, деньги, работа, самореализация, сила, ожидание счастья).

Если возрастное перемещение факторов «покой» с третьего места на первое, «любовь» со второго места на пятое и «здоровье» с восьмого места на второе вполне предсказуемо и согласуется с тезисом Шопенгауэра о том, что во второй половине жизни человек не столько гоняется за счастьем, сколько опасается несчастья, то снижение ранга фактора «семья» (переход с первого на четвертое место) оказывается несколько неожиданным, поскольку, казалось бы, с возрастом ценность семьи возрастает. Следует отметить, что блок факторов «любовь/семья» в ответах молодежи занимает почти треть упоминаний (40 из 134), в то время как в ответах группы «после 30» он занимает только десятую часть упоминаний (13 из 125). Как представляется, этот парадокс может найти своё объяснение в том, что проблемой любви и семьи в первую очередь озабочены те, которые только собираются их обрести, т.е. молодые люди. Те же, «кому за 30», свою любовь и семью, как правило, уже нашли, и для них они из причины счастья превратились, видимо, в его условие, в нечто, вроде здоровья, которое не замечаешь, пока оно есть – «что имеем – не храним, потерявши – плачем». С другой стороны, это может быть связан с компенсационным характером представлений о счастье в российском

менталитете (см.: [Джидарьян 2001: 44–45]), для которого счастье сопряжено в основном с будущим, а не с настоящим.

Заметно повышается ранг факторов, связанных с субъективной, психологической составляющей счастья («удовлетворение», «настроение», «наслаждение», «радость»), которые перемещаются на 2-3 пункта вверх, и фактора «мимолетность». Так же повышается статус факторов «свобода», «самореализация», «благо ближнего» и «счастье других».

Представлены нулем в ответах респондентов до 30 лет факторы «общение», «добродетель» («Когда у тебя совесть спокойна»), «сила» и «ожидание счастья», в ответах респондентов после 30 – факторы «дети», «деньги», «работа» и «знание истины». Все прочие факторы по рангу совпадают либо отличаются незначительно, на 1-2 пункта.

Собственно фелицитарная концепция (концепция «среднего уровня») – это своего рода законченная и последовательная теория счастья, обладающая определенной объяснительной силой и обобщающая некий ряд факторов, в которых в соответствии с её ведущим принципом усматривается источник «фелицитарного блага» – сущность счастья.

Сущностные надфакторные концепции счастья относительно немногочисленны и формулируются на основе непересекающихся семантических. Еще в античности наметилось противопоставление эвдемонических и деонтологических фелицитарных теорий по «месту источника» (*locus fontis*) счастья: внутри или вне человека (стоицизм *versus* гедонизм). По признаку маркированности-немаркированности концепция эпикурейского счастья (счастье – это отсутствие несчастья) противостоит всем прочим фелицитарным теориям, ориентированным на позитив. В принципе, психологические классификации «факторов счастья», в которых можно усмотреть признаки фелицитарной теории, продолжаются и по настоящее время: по типу личности (см.: [Татаркевич 1981: 169–185]), по её ценностным установкам (см.: [Франкл 1990: 221]), по её интро-экстравертности (см.: [Шопенгауэр 1992: 264]) и, возможно, другие.

Судя по опросам, стоическая концепция счастья, построенная на принципе морального отношения к миру, идеалом которой является Сократ, добровольно принявший смерть за свои убеждения, мягко говоря, в наши дни не пользуется популярностью: из двухсот человек желание «жить не по лжи», чтобы быть счастливым, высказала лишь один информант из группы «после 30» («Счастье – это когда тебе не стыдно за свои поступки, что дает тебе внутреннее спокойствие»).

Упоминания же концепции счастья «героического», противостоящего «мещанскому» благополучию (см.: [Воркачев 2000]) в ответах информантов не наблюдалось вовсе.

В то же самое время здесь в полном объеме присутствует противопоставление концепций «накопительных», «арифметических» (чем больше человек испытывает удовольствий либо чем меньше он испытывает страданий, тем он счастливее), ориентированных на психологическую составляющую фелицитарного концепта, и концепций «коэффициентных», «алгебраических», связывающих счастье со степенью соответствия судьбы реальной судьбе желанной, и ориентированных преимущественно на этическую составляющую этого концепта.

В свою очередь внутри «накопительных» концепций явно прослеживается противопоставление концепций «положительных» (счастье – это совокупность положительных эмоций) и «отрицательных» (счастье – это отсутствие отрицательных эмоций), а внутри «коэффициентных» – противопоставление концепций, ориентированных на осуществление жизненного призвания, концепциям, ориентированным на смысл жизни.

Источник счастья в ответах подавляющего большинства респондентов передается неопределенными дескрипциями, отправляющими к классу

Таблица 2

Накопительные теории	
до 30 лет	после 30 лет

фактор		концепция	фактор		концепция
успех	12	гедоническая 34	успех	6	гедоническая 19
достаток	3		достаток	1	
деньги	2		деньги	0	
наслаждение	4		наслаждение	6	
удовлетворение	4		удовлетворение	6	
радость	5		радость	6	
настроение	4		настроение	6	
покой	13	эпикурейская 27	покой	23	эпикурейская 31
отсутствие несчастья	3		отсутствие несчастья	2	
уверенность	1		уверенность	1	
гармония	10		гармония	5	
Всего		61	Всего		62
Коэффициентные теории					
до 30 лет			после 30 лет		
фактор		концепция	фактор		концепция
свобода	4	призвания 4	свобода	7	призвания 9
самореализация	0		самореализация	2	
смысл жизни	4	жизненного смысла 8	смысл жизни	2	жизненного о смысла 13
благо ближнего	3		благо ближнего	8	
счастье других	1		счастье других	3	
Всего		12	Всего		22
до 30 лет в сумме 73 упоминания			после 30 лет в сумме 84 упоминаний		

каких-либо событий, явлений, свойств (счастье – это семья, дети, работа и пр.). Определенная дескрипция встретила здесь всего лишь единожды: «Счастье – это когда меня обнимает *мой ребенок*».

Значительная часть факторов счастья («любовь», «семья», «здоровье», «дети», «друзья», «работа», «взаимопонимание», «общение», «быть сильным»), упоминаемых в ответах респондентов, остаются неопределенными относительно основных концепций «среднего уровня» и не поддаются классификации: невозможно понять, например, к чему конкретно отправляет ответ «Счастье – это любовь» – к наслаждению, к жертвенности, к смыслу жизни, к жизненному предназначению или к чему-то еще.

Результаты кластерного распределения факторов, упомянутых респондентами, по основным фелицитарным концепциям, представленные в таблице 2, свидетельствуют о том, что при незначительном расхождении в общей сумме упоминаний (73 – до 30, 84 – после 30) расхождения в соотношении количественного наполнения кластеров в определенной части вполне значимы и позволяют делать выводы относительно возрастной специфики понятийной составляющей концепта «счастье».

Прежде всего, можно заметить, что общее соотношение накопительных и коэффициентных теорий у молодых и у зрелых людей отличается чуть ли не в два раза (61:12 versus 62:22, т. е. 5:1 и 3:1), что говорит о том, что зрелое понимание счастья ориентировано в большей степени на этический аспект этого концепта, собственно и отличающий счастье от просто радости и удовольствия.

Внутри парадигмы накопительных теорий существенно отличается соотношение гедонической и эпикурейской концепций (34:27 versus 19:31, т. е. 1:1 и 2:3), что свидетельствует о том, что люди «во второй половине жизни» от судьбы ждут в первую очередь неприятностей, а уж потом, в качестве «побочного продукта», удовольствий.

Таким образом, исследование возрастной специфики концепта «счастье» показывает, что «счастье для молодых» действительно существует и отличается от «счастья для пожилых» не только психологически, на уровне житейских стереотипов, но и концептуально, на уровне понятийной компоненты этого концепта.

Представления о счастье в возрастной группе после 30 лет, как правило, отличаются от представлений о нем в группе до 30 большей четкостью осмысления, что проявляется в определенной дефиниционной полноте ответов и несколько меньшем концептуальном разбросе факторов. Для «зрелого счастья» в целом характерно возрастание ориентации на рациональный, этический компонент этого концепта отражающееся в увеличении доли коэффициентных теорий. Характерным для «второй половины жизни» оказывается «бегство от несчастья» и стремление к покою, с одной стороны, и симптомы «старческого эгоизма», выражающиеся в некотором повышении ранга факторов, связанных с субъективной составляющей фелицитарного концепта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникин В. П. Русские пословицы и поговорки. М.: Художественная литература, 1988. 431 с.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
3. Воркачев С. Г. «Две доли» – две концепции счастья // Языковая личность: проблемы креативной семантики. Волгоград, 2000. С. 54–61.
4. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64–72.
5. Воркачев, С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004. 236 с.
6. Воркачев С. Г. Базовая семантика и лингвоконцептология: на стыке парадигм гуманитарного знания. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. 540 с.
7. Воркачев С. Г., Воркачева Е. А. Концепт счастья в русской и английской паремиологии // Реальность этноса. Образование и проблемы межэтнической коммуникации. СПб., 2002. С. 145–148.
8. Даль В. И. Пословицы русского народа: В 3-х т. Т. 2. СПб., 1996.

9. Джидарьян И. А. Представление о счастье в российском менталитете. СПб.: Алетейя, 2001. 240 с.
10. Петровский А. В., Ярошевский М. Г. Психология. Словарь. М.: Политиздат, 1990. 494 с.
11. Татаркевич В. О счастье и совершенстве человека. М.: Прогресс, 1981. 365 с.
12. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 366 с.
13. Фрумкина Р. М. «Теории среднего уровня» в современной лингвистике // Вопросы языкознания. 1996. № 2. С. 55–67.
14. Шопенгауэр А. Свобода воли и нравственность. М.: Республика, 1992. 447с.

REFERENCES

1. Anikin V. P. Russkie poslovicey i pogovorki [Russian proverbs and sayings]. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1988. 431 s.
2. Arutjunova N. D. Jazyk i mir cheloveka [Language and human world]. M.: Jazyki russoj kul'tury, 1999. 896 s.
3. Vorkachev S. G. «Dve doli» – dve koncepcii schast'ja [Two destinies – two happiness conceptions] // Jazykovaja lichnost': problemy kreativnoj semantiki. Volgograd, 2000. S. 54–61.
4. Vorkachev S. G. Lingvokul'turologija, jazykovaja lichnost', koncept: stanovlenie antropocentricheskoj paradigmy v jazykoznanii [Anthropological linguistics, language personality, concept: coming-to-be of anthropocentric paradigm in linguistics] // Filologičeskie nauki. 2001. № 1. S. 64–72.
5. Vorkachev, S. G. Schast'e kak lingvokul'turnyj concept [Happiness as linguocultural concept]. M.: Gnozis, 2004. 236 s.
6. Vorkachev S. G. Bazovaja semantika i lingvokoncepcologija: na styke paradigm gumanitarnogo znanija [Basic semantics and linguistic conceptology: on the meeting point of humanitarian knowledge paradigms]. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. 540 s.

7. Vorkachev S. G., Vorkacheva E. A. Koncept schast'ja v russkoj i anglijskoj paremiologii [Happiness concept in Russian and English proverbs] // Real'nost' jetnosa. Obrazovanie i problemy mezhjetnicheskoy kommunikacii. SPb., 2002. S. 145–148.
8. Dal' V. I. Poslovicey russkogo naroda [Russian people proverbs]: V 3-h t. T. 2. SPb., 1996.
9. Dzhidar'jan I. A. Predstavlenie o schast'e v rossijskom mentalitete [Ideas about happiness in Russian mentality]. SPb.: Aletejja, 2001. 240 s.
10. Petrovskij A. V., Jaroshevskij M. G. Psihologija. Slovar'. M.: Politizdat, 1990. 494 s.
11. Tatarkevich V. O schast'e i sovershenstve cheloveka [About human happiness and perfection]. M.: Progress, 1981. 365 s.
12. Frankl V. Chelovek v poiskah smysla [Human being in search of meaning]. M.: Progress, 1990. 366 s.
13. Frumkina R. M. «Teorii srednego urovnja» v sovremennoj lingvistike [Middle level theories in modern linguistics] // Voprosy jazykoznanija. 1996. № 2. S. 55–67.
14. Shopengaujer A. Svoboda voli i npravstvennost' [Freedom of will and morals]. M.: Respublika, 1992. 447 s.

FELICITOLOGY OF AGE IN LANGUAGE

S.G. VORKACHEV, E.A. VORKACHEVA

*Kuban State Technological University,
2, Moskovskaya str., Krasnodar, Russian Federation, 350072;
e-mail: svork@mail.ru; vorkela@mail.ru*

Verbalization of linguocultural concept “happiness” from the point of view of its age specificity is considered on the material of proverbs and association experiment. Differences in opinion of various age groups about happiness are established, it is concluded that with the age orientation to the ethical component of this concept is increasing.

Key words: happiness, conception of happiness, factor, age, linguocultural concept, language specificity, happiness stereotype